

ЗИНАИДА ГИППИУС

ЧЕЛОВЕК И
БОЛОТО

Зинаида Николаевна Гиппиус

Человек и болото

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25910549

Аннотация

«В только что вышедшем альманахе (К-во «Шиповник», книга первая) – лишь две вещи заслуживают серьезного внимания: «Лесная топь» Сергеева-Ценского и драма Леонида Андреева «Жизнь Человека». Остальное, несмотря на «имена», – вяло, серо, ни хорошо, ни худо, – просто не характерно для авторов...»

Зинаида Гиппиус

Человек и болото

В только что вышедшем альманахе (К-во «Шиповник», книга первая) – лишь две вещи заслуживают серьезного внимания: «Лесная топь» Сергеева-Ценского и драма Леонида Андреева «Жизнь Человека». Остальное, несмотря на «имена», – вяло, серо, ни хорошо, ни худо, – просто не характерно для авторов.

О «Лесной топи» поговорить следует, тем более что почти одновременно с альманахом вышел первый сборник рассказов Сергеева-Ценского. Он – писатель интересный, и «Лесная топь» не слабее, а может быть, сильнее всех других его рассказов; Сергеев-Ценский в нем особенно подчеркнулся. Но об этом речь впереди. Пока же остановимся на «Жизни Человека» Л. Андреева.

С «Человеком» вышло литературное недоразумение. Драму особенно хвалили, а когда она была поставлена на сцене («передового театра» Комиссаржевской) – то прямо превознесли. Даже Юрий Беляев из «Нового времени» отнесся благосклонно. Успех был несомненный, хотя и не очень «видный». Но, благодаря событиям общественной жизни, интерес к литературе вообще несколько ослабел.

Вот тут-то и недоразумение, и что-то очень горькое есть в этом недоразумении. Если бы драма имела успех сре-

ди «большой публики», как это часто случалось с весьма неудачными вещами Горького, то можно бы, при желании, утешаться, что наша «толпа» еще не умеет разбираться сразу, что у нее есть случайные любимцы... Но нет: драму Андреева ценила не «толпа», а цвет нашей литературы и критики. И драма этим «лучшим» ценителям понравилась, «пришла» к ним. Я выключаю Юрия Беляева – поклонников «Человека» довольно и без него; весь театр Комиссаржевской держится именно этим «цветом» литературы – писателями, поэтами и просто людьми, считающими себя «передовыми» в искусстве и культуре.

«Жизнь Человека» Л. Андреева – несомненно, самая слабая, самая плохая вещь из всего, что когда-либо писал этот талантливый беллетрист. «Елиазар», его недавний рассказ в «Золотом Руне», тоже слаб, но не в такой мере – хоть и приближается скорее к разбираемой драме, нежели к прежним произведениям писателя. Фантастические сюжеты, «мистическая обстановка» крайне невыгодны для Л. Андреева: вся грубость, вся примитивная его некультурность и вытекающая из нее беспомощность – выступают особенно выпукло и резко, как только Л. Андреев хочет оторваться от реальных форм быта. Собственно, талант у него большой, гораздо больше, чем у Горького; но у Горького чувствуется большая сгармонированность между талантом и содержанием таланта. С Горького ничего не требуешь. Л. Андреев не может справиться с вопросами, которые сам же поднимает; ему

душно в их темном хаосе. И как только он хочет что-то сам сказать, сознательно, – начинается невероятная и постыдная фальшь. «Савва» его – хаос невообразимый; но, по крайней мере, там вопросы остаются вопросами, там хаос не разрешается плоскостью, вопли не переходят в риторику. Талант-самородок остается тем, что он есть, и не вылезает из-за него сам Л. Андреев, бессознательный, запутавшийся, чуждый культуры русский человек. Л. Андреев еще глубок, когда не думает, что он глубокомыслен. А когда это думает – теряет все, вплоть до таланта.

Не в том беда, что последняя драма его написана так, что не напоминает, а почти повторяет Метерлинка. Но она дурно, некультурно, грубо ее повторяет; выходит не то доморощенная карикатура, не то изнанка вышитого ковра. И не в том только беда, что эта узловатая, рабски подражательная форма содержит в себе путаную, смятую да еще банальную мысль о бессмысленном роке. Может быть, впрочем, и вовсе там никакой мысли нет. Горе в том, что подобная вещь преподносится нам как художественное произведение, да еще с глубиной, с претензией на какое-то общее мирозерцанье.

Претензии убили самую возможность непосредственного живого слова; и нет их ни одного во всей «Жизни Человека», во всей драме, наполненной холодными, придуманными, крикливо-плоскими фразами. Никогда мне не было так жалко Леонида Андреева. Он давал сильные вещи, чувствовалось, что за ними стихийно, слепо мучится и борется жи-

вой человек, которого можно бы любить, с которым можно страдать вместе. А тут, из-за драмы и рассказа «Елеазар», вдруг высунулся малообразованный и претенциозный русский литератор, которого, поскольку он все-таки человек и все-таки Л. Андреев, ничего не понимающий и не разрешающий, – можно лишь бесконечно жалеть.

Такой «русский литератор» не только не разрешит ничего и не поймет, – но и нежной, легкой, высокохудожественной, культурной лирики Метерлинка никогда не достигнет. После «Василия Фивейского», даже после «Саввы», где местами у Л. Андреева вырывались крики настоящего богоборца, – прочтите грубую, топорную и в высокой степени глупую «молитву» героя драмы, так величественно названного Человеком с большой буквы. Ходульные слова – старательно выдуманные для изложения известной всем мещанам мысли, что и самый «сильный» (то есть самый неверующий) человек может молиться, если ему хочется что-нибудь получить от Бога, и даже может обещать, что поверит в Него, когда получит; но что это ни к чему не ведет, ибо никакого Бога нет, а есть равнодушно-бессмысленная Судьба. Символизуется Судьба у Андреева «серым Некто», нисколько не страшной, а бутафорской фигурой, стоящей бессменно в углу со свечой (тоже необыкновенно новым символом жизни человеческой!). «Человек» – все время «горд и силен». Жена Человека находит и молитву его «гордой» – на что он отвечает: «Нет, нет, жена, я хорошо говорил с Ним, так, как

следует говорить мужчинам». Между прочим, он молился: «Ты – старик, и я – старик. Ты скорее меня поймешь...» Гордости в молитве не заметно, а просто примитивная риторика и решительная неумность. Нехудожественное произведение иногда оберегается от слишком режущей фальши – умом автора. Но у Андреева этого сторожа нет, да и, увлекшись собственной риторикой, он уже ничего не замечает, риторика ему кажется возвышенностью, смешное – сильным, банальности – новыми открытиями.

Андреев мог, конечно, отступить, мог и совсем свернуть в сторону, обнажив свои коренные недостатки и провалы.

Но как случилось, что его судьи, если даже они компетентны лишь как судьи художественной стороны произведения, – не осудили драму Л. Андреева именно за ее антихудожественность? Критиков для оценки более широкой и полной у нас нет, пускай! Но неужели у нас нет людей, хотя бы понимающих искусство как искусство, отличающих тут черное от белого? Самого примитивного понятия о том, что такое искусство, достаточно, чтобы отвергнуть эту драму. О ней не может быть двух мнений.

Невольно приходит мысль: да уж есть ли, было ли у нас «искусство», была ли когда-нибудь «литература», в собственном смысле слова? У нас есть художники, мыслители, писатели, – а искусства нет. У нас есть гении, есть таланты, большие и малые, таланты-самородки, – а искусства нет. Ис-

искусство создается работой, культурой и средой. У нас ничего этого еще пока не было, – не удивительно, если нет искусства. Отдельные таланты у нас до сих пор погибали почти без плода. Художнику нужен свой воздух и свет, чтобы жить, расти. А не то он вспыхнет искрой – и не разгорится, и вокруг себя ничего не зажжет. Да еще иной, помельче, и сам замучается, слепо ворочая глыбы темных вопросов. Поразительно слабо у нас движение, развитие идейное, без которого невозможно и движение культурное! И ведь идеи есть: в какой другой стране были отдельные личности с такими непомерными идеями, именно «идеями»? В одном Достоевском только – уже был весь Ницше, да и на многих будущих Ницше хватит Достоевского. Но сказанное так ясно, так полно и вечно – лежит камнем, и никто даже не пытается поднять этот камень, не видит его, не знает ничего. Жизнь шла сама по себе, а писатели писали сами по себе. Русский ли человек тут причиной, русский ли писатель или русская действительность, кто решит?

Но прошлое все же обещало нам больше, чем дало настоящее. Как ни одиноки были наши гении и таланты, как ни незаметно светлел воздух, но все же он светлел, и какая-то потенциальность развития, зарождения среды все же там была. Искусство, идейность, осмысленность, культура – хотели родиться. Даже в течении «декадентском» 95-900-х годов брезжило нечто положительное. Декадентство было подполье, но из него предчувствовался выход. В подполье, мо-

жет быть, нужно спуститься, пройти и выйти. Но тут что-то случилось. Декадентство смялось, оборвалось, распалось и... начался (по меткому выражению одного современного рецензента) – «декаданс декаданса». Пустое место заполнилось: образовалась лжесреда. Появилась и «культурность», и «искусство», и «метафизика», – и они страшнее прежней пустоты, ибо прежде мы имели «а-культурность», «а-искусство», – а теперь антиискусство и антикультурность. И отнюдь не в общественной жизни, в жизни «всех», которая пока все еще только бескультурна и безыдейна, но именно среди прежнего «цвета» нашего общества, среди людей мыслящих и творящих в области искусства.

Тут начался период возрождения... варварства. Невежество и грубость, называющие себя высшим знанием и утонченностью, гораздо опаснее просто невежества и просто грубости: эти, в конце концов, скромны. Кто знает, что он не знает, – тот может еще научиться, а кто, будучи наг, думает, что одет в порфиру и виссон, тот так и будет щеголять голым, тому – «какую». Посмотрите наши «художественные» и «литературные» журналы, взгляните в «культурную» и «литературную» жизнь наших центров за последний год. Вы увидите, что «декаданс декаданса» расползся гораздо шире сейчас, нежели просто «декаданс» за все время своего существования. Правда, эта лжекультурная среда оторвана резко от вскипающего, еще бескультурного, еще пока безыдейного движения общественной жизни, от «всей России» – движе-

ния праведного, потому что в нем нет лжи, а есть невскрытая правда. Эта «среда» – сравнительное ничтожество. Но зато все писатели и художники, все работающие в данный момент в области искусства и литературы, от бездарного до талантливого, так или иначе соприкасаются именно с этой ложной средой, барахтаются в этой луже. Косяками идут туда «молодые»; по, конечно, попав туда слишком рано, ни один из них, даже с задатками таланта, не выработается в действительно талантливого писателя. И понятно, что идут «косяками»: истинное – редко и трудно, а псевдоискусство, псевдо-красота – общедоступны, приятно легки.

Леонид Андреев дал лучшие свои вещи еще свободно, еще до создания лжесреды. Но скажем ли с уверенностью, что его эта среда «заела»? Может быть, в самом его таланте, как в талантах других современных писателей, уже был заложен его печальный конец? Может быть, и он, как другие, сам же и послужил для создания и преуспевания «декаданса декаданса». Но это все равно. Одно несомненно: каковы прихожане – таков приход; каковы попы – таковы и проповеди. Участники направления антихудожественного не могут не давать вещей не антихудожественных. И «Жизнь Человека» не могла не быть вещью хуже, чем бездарной и неумной – неумной со всеми претензиями на художественность и глубокомыслие, то есть – бездарной с обманом.

Впрочем, какое нам утешение знать, что иначе и быть не может? Жаль, жаль до боли всех: и русских литераторов, и

возможную русскую литературу, в частности и Леонида Андреева со всей его беспомощностью, и «косяки» молодых, с детской жадностью кидающихся... уже не в подполье, а в болото... Оно затянуто яркой травкой. А на дне – происходит страшная, отвратительная и смешная пляска: там венчаются, сочетаются, смешиваются уже не «жид с лягушкой», это бы ничего, а невинное слово с безобразным делом, святые имена с рабскими костями, богоборчество с кощунством, мифология с развратишкой, творчество с плагиатом, возрождение с варварством, филология с физиологией, экстаз с расчетом, искусство – с проституцией...

Страшно, и если страшно не последним страхом, – то лишь потому, что все это невыразимо скучно; да и пахнет уж очень обыкновенной скверностью. Даже не духом, а душком небытия, мертвечинкой. А Россия с ее Пушкиными и Достоевскими, с ее громадной, полуслепой пока трагичностью общественной – еще жива. Еще ой-ой как жива! Запоет петух – и провалится болотное дно, уйдет в последнюю темноту со всеми плясунами, с виновными и... невинными (сами виноваты, не рассчитали!). Оставшиеся – не все даже заметят, что кем-то стало меньше...

Поскорее бы, однако, провалилось. Идет-таки от него, – иногда, под вечер, – заразительный смрад.